

Рудольф Штайнер

Гёте, созерцающий, и Шиллер, осмысливающий

Goethe, der Schauende, und Schiller, der Sinnende

*Статья в журнале «Das Goetheanum»,
9 апреля 1922 г.*

Фрагмент из GA 36 «Идея Гетеанума
на фоне культурного кризиса современности»

Перевод Алексея Жилова

Б Д Н

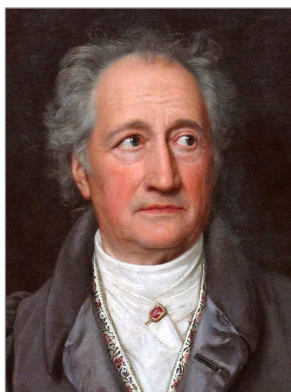
Библиотека
духовной
науки

2020

bdn-steiner.ru

Гёте, созерцающий, и Шиллер, осмысливающий

К прекраснейшим цветам человеческой духовной жизни принадлежит то, что создали Гёте и Шиллер в период их дружеского союза. Но этот союз был достигнут лишь благодаря тому, что оба духа преодолели серьёзные внутренние препятствия, разделявшие их души. Эти препятствия можно увидеть, если обратить внимание на рассказ Гёте о беседе, которую они вели, выйдя как-то раз с лекции о растительном мире, состоявшейся в Обществе естествоиспытателей в Йене. Шиллер находил, что лекция неудовлетворительна, так как *отдельные* растительные формы были поставлены рядом друг с другом без того, чтобы при рассмотрении стала видимой их взаимосвязь. Гёте ответил, что такая взаимосвязь предстаёт в его прарастении, которое содержит то, что как сущность живёт в каждом *отдельном* растении. Это «прарастение» не равно отдельному растению; но каждое отдельное растение становится понятным исходя из этой лежащей в основе всего растительного царства прарастения. Гёте несколькими характерными штрихами изобразил эту прарастения перед взором Шиллера¹. Тот возразил: но это не опыт, это идея. Гёте же настаивал на том, что для него такая идея одновременно является опытом (наблюдением), и что, если подобное называется идеей, он воспринимает свои идеи глазами. Из описания Гёте этой беседы видно, что в то время оба ещё не могли прийти к согласованию своих взглядов.

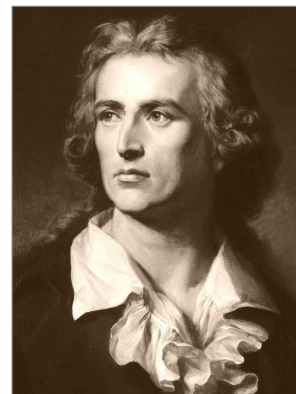

Гёте ощущал себя вправе рассматривать в качестве результата наблюдения то, что формировалось у него в идеях о вещах природы, как он это делал, например, в отношении красного цвета розы. Для него наука была духовно наполненным и в то же время объективным результатом наблюдения. Шиллер не мог совладать с подобным воззрением. Для него было твёрдо определённым, что человек должен только из себя формировать идеи, если он хочет охватить данные лишь как отдельные результаты наблюдений. Гёте чувствовал себя со своим духовным содержанием стоящим внутри природы, Шиллер ощущал себя с тем же самым вне природы.

Кто проследит в переписке Гёте и Шиллера жизнь их дружбы, тот увидит, как она всё больше углубляется благодаря тому, что Шиллер осваивается в способе воззрения Гёте. Он приходит к тому, чтобы допустить объективное господство духа в творениях природы, что для гётевского способа представления было чем-то само собой разумеющимся. Можно сказать, что Шиллер отделил поначалу от Гёте точку зрения, что человек стоит вне природы, и что он, когда высказывается о природе, к ней кое-что прибавляет. Гёте никогда не сомневался в том, что в человеке природа сама выражает свою сущность как духовное содержание, если только человек ставит себя в верное к ней отношение.

Рудольф Штайнер, «Прарастение», акварель, апрель 1924 г.

¹ Представленная на иллюстрации картина Рудольфа Штайнера «Прарастение» не сопровождает статью в томе GA. Эта и последующие иллюстрации добавлены редактором данной интернет-публикации. — Прим. ред.

Для Гёте существо природы живёт в человеке как знание. И человеческое знание есть для него откровение существа природы. Процесс познания является для Гёте не просто формальным отображением скрытых в природе сущностей, но реальным раскрытием того, что без человеческого духа вообще не существовало бы в природе. Несмотря на это дух является для него истинным содержанием самой природы, ибо он мыслит себе познание как погружение человеческой души в природу. Шиллер не мог поначалу привести это в соответствие со своим кантианством. И это кантианство он принял; Гёте никогда не находил в воззрении Канта чего-либо, что могло бы приблизиться к его собственному способу представления.

В ощущении художественных творений Гёте Шиллер выходил из своего образа мышления и всё больше приближался к Гёте. В «Письмах об эстетическом воспитании человека» видно стремление Шиллера довести художественное переживание Гёте до полного понимания. На пути преобразования себя в этом направлении он приходит к тому, чтобы признать в художественном переживании мира единственное человеческое душевное состояние, в котором возможно быть в полном смысле этого слова истинным человеком. И так наука стала для него переживанием мира, в котором человек не может раскрыться во всём своём существе.

Гёте, напротив, хотел науки, которая в своём роде так же приводит целого человека к выражению, как искусство в своём. К подобному воззрению Шиллеру пришлось пробиваться. Он сделал это; и благодаря этому его душевная общность² с Гёте была поставлена на надлежащую основу. Гёте со своей стороны приблизился к Шиллеру через то, что тот дал ему мыслительное оправдание его духовного склада³. Он сам не смог бы прийти к этому, так как до возникновения дружеского союза жил в этом как в чём-то само собой разумеющемся, так что это совершенно не входило в его сознание как проблема. Шиллеру удалось обогатить душу Гёте благодаря тому, что он показал ей, как она могла бы стать самой себя сознающей загадкой и искать её решения.

Шиллер дал Гёте стимул продолжить его Фауста. Непосредственно из этого побуждения возник «Пролог на небесах». Сравнивая его с одной из старейших сцен Фауста, с той, где Фауст отворачивается от Духа *большого* мира⁴ и обращается к Духу Земли, мы видим перемену у Гёте. Сперва отвращение⁵ от духовного содержания большого мира; затем образное представление того же. В мыслительном побуждении, данном Шиллером, был заключён для Гёте зародыш того, чтобы также и в художественном образе человеческой жизни в мировом существе поставить себя перед душевным взором. Раньше он не был в состоянии сделать это, потому что воспринимал эту жизнь как нечто само собой разумеющееся, не формируя её внутри.

Для последующих поколений это всегда будет иметь важное значение: учиться смотреть на существо Гёте душевными глазами Шиллера; видеть, как сущность Гёте в определённую жизненную эпоху полностью раскрывается в тех побуждениях, что исходят от Шиллера.

Ощущение, с одной стороны, от препятствий, которые оба должны были преодолеть, чтобы прийти друг к другу, и, с другой стороны, от того рода, каким они в конце концов дополнили друг друга, создаёт импульс для глубочайших душевных наблюдений, который тем самым проникает и к одному из важнейших моментов в господстве духа в развитии человечества.

² Seelengemeinschaft.

³ Sinnesart.

⁴ Geiste der großen Welt.

⁵ Abwendung.